

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ МАКСИМА ТАНКА 1980–1990 ГГ.

Е. П. Жиганова

Кандидат филологических наук, доцент,
УО «Белорусский государственный
педагогический университет
им. Максима Танка»,
г. Минск, Беларусь

Summary. The article deals with studying the peculiarities of the embodiment of mythological motifs during the last period of creative work of the Belarusian poet Maxim Tank.

Keywords: motif; symbolic image; globalization; national culture.

Образы античной мифологии давно и прочно вошли в систему образов национальных литератур и культур, что свидетельствует о едином европейском культурном пространстве, в котором мы существуем. Подобные образы продолжают бытование в литературе, но не просто слепо заимствуются, а перерабатываются, включаются в новый контекст и приобретают новое звучание. Использование античных образов и символов в белорусской поэзии XX века – явление закономерное. Это не лишает литературу национального своеобразия, а делает ее понятной и доступной для носителей других культур, что кажется нам важным в свете процессов глобализации, происходящих в современном мультикультурном обществе.

Проиллюстрируем это на примере анализа мифологических мотивов, воплотившихся в стихах белорусского поэта Максима Танка 1983–1995 гг. В его поэзии можно найти множество универсальных культурных кодов (античных, библейских и др.), которые помогли поэту объяснить самого себя миру, а через самого себя – и свой народ, и свою отчизну. Это очень важный момент, потому что свою миссию как поэта он видел в том, чтобы «... з інашаўцамі – песнямі / роднымі абмяняцца» [2, с. 296].

Самым частотным античным образом-символом в стихах последнего Максима Танка является образ Парнаса. Так, в стихотворении «Калісьці на ядлаўцовым кійку-скакуне...» (1984) поэт, подчеркивая мужицкое происхождение своего лирического героя, рисует свой путь на Парнас (в поэзию) как сватовство к парнасской нимфе: «Потым на спрацаваным мужыцкім *Пегасе* – / У сваты да німфы *парнаскай*» [2, с. 14]. А в стихотворении «Хоць асцерагаўся я...» (1990) Парнас предстает как место, где можно потерять друзей: «Хоць асцерагаўся я, прызнацца, / Стрэцца з *Піфіяй*, ды, у яе краі / Будучы, асмеліўся спытацца: / Што мяне наперадзе чакае? / – У карчме, – сказала, – сяброў знойдзеш. / – На *Парнасе* – іх паразубляеш» [2, с. 255]. Трудности восхождения на Парнас подчеркиваются и в стихотворении «Вось каб меў іх, калі быў...» (1993): здесь перед нами возникает образ поэта, который находится на вершине славы, облас-

кан богами (властью), но при этом запоздалые благодати и дары не приносят ему удовлетворения. Это могло бы радовать поэта-новичка, тогда бы «... у хлапечыя леты / Не лічыла б абузай / Маіх першых прызнанняў / Ветравейная муза» [2, с. 276]. Именно поэтому лавровый венок с легкостью передается в стойло Пегасов. Кроме вышеперечисленных значений, в стихотворении «Вы, пэўна, зналі...» (1993) возникает образ подпольного Парнаса, что свидетельствует о сложной литературной ситуации в стране того времени и намекает на принадлежность поэта к другой (неофициальной) литературе. Ну и совсем в сатирическом свете предстает Парнас в стихотворении «Увага» (1994), где разговор уже ведется о периоде «глабальнага краху бязбожнага сацыялізму» и «трыумфальнай рэстаўрацыі ўсіх мошчаў капіталізму», когда Парнас превращается то ли в торговую лавку, то ли в ремесленную мастерскую, которая «на ўмераннай цане, / настаўляць будзе... / Партыі высакаякасных / Данапонных убораў... / Хай жыве бізнес!» [2, с. 300]. Таким образом, античный образ труднодоступной, но притягательной обители поэтов и муз трансформируется в лирике Максима Танка сначала в место, куда закрыт путь мужицкому поэту, где почивают на лаврах только обласканные властью и где, скорее всего, нет места настоящему творчеству. Именно поэтому и сопутствующий Парнасу образ поэтического вдохновения – крылатый Пегас – также приобретает сниженные черты: поэт использует в отношении этого образа эпитет мужицкий, потом ставит это существительное во множественное число, тем самым демонстрируя тиражирование вдохновения, а потом и вовсе изображает крылатых коней в стойле и предлагает им в качестве пищи лавровый венок.

Разрабатывает Максим Танк и еще один популярный культурный мотив – мотив жизни как путешествия, паломничества, чему способствует упоминание гомеровского героя Одиссея. Путешествие (жизнь) лирического героя Максима Танка сопряжено с его поэтическими поисками. В стихотворении «Я сам вінават» (1985) автор персонифицирует образ Поэзии, что подчеркивается использованием прописной буквы, и сравнивает ее со сладкоголосыми сиренами, которые заманивают путешественников к себе на остров. Но, в отличие от героя гомеровской Одиссеи, лирический герой Максима Танка не смог, да и не захотел противиться такому зову: «Я сам вінават, / Што трапіў да цябе / Ё палон, Паэзія, / Што ў свой час, / Як Адысеевы валацугі, / Не заляпіў свае вушы воскам, / Каб не чуць твой спеў сірэны» [2, с. 42]. Получается, что избранный героем (поэтом) путь абсолютно осознанный, герой готов к трудностям, которые подстерегают его на этом пути. Образ «бродяги-Одиссея» возникает и в более позднем стихотворении «Вяртанне» (1988), где мотив возвращения на родину сближается с мотивом возвращения блудного сына. В стихотворении усиливается тема одиночества лирического героя, который много лет назад покинул родной дом и, вернувшись после долгих скитаний, оказывается

незнакомцем среди знакомых – облаков, дыма, грома: «*Няўжо няма нікога, / З кім тут рос? / Стаю ля студні, / Спынены надзеяй: / Мо раптам / Выбяжыць з дварышча пёс, / Пазнаўшы / Валацугу-Адысея*» [2, с. 135]. Постепенно возвышенный образ путешественника-Одиссея снижается, что можно заметить в урбанистическом стихотворении «Звычайны дзень» (1993), в котором лирический герой с необъятных просторов, с высокого Парнаса попадает в город, где явно чувствуется тревога, несовершенство существования. Появившиеся в этом стихотворении античные образы-символы усиливают ощущение дисгармонии: «*Як Цыклоп, / На вуліцы ліхтар подслепаватым вокам / Шукае Адысея ля вітрыны з хлебам...*» [2, с. 275].

В поздней лирике Максима Танка часто используются античные образы, связанные с темой смерти (Стикс, Харон, Эрэб). Именно в последние годы жизни поэт, остро чувствовал эту тему. Он задается вопросом о результатах прожитой жизни, о ее значимости и последствиях, которые определяются только после того, как человек перейдет в царство мертвых. Традиционно Стикс является границей между миром мертвых и живых, и сам процесс перехода символизирует некое посвящение, открытие нового, неизведанного, вечного. Максим Танк поддерживает эту традицию в стихотворении «Пакуль Феміда» (1989) («*Таб перадаць сваім сябрам / За Сіцксам / Аб выніках. / Бо трэба ж ведаць ім, / Ці варта зноў / На гэты свет вяртацца*» [2, с. 173]), «*Хоць асперагаўся я, прызнацца...*» (1992.), «*Як жа так сталася гэтак...*» (1995). Обращает на себя внимание, что упоминание Стикса иногда соседствует с образом Фемиды. И здесь поэт по-новому воссоздает образ богини: ее меч перестает быть инструментом правосудия, превращаясь в оружие палача, а повязка на ее глазах подчеркивает слепоту, которая не позволяет вершить суд справедливо («*Дзе знойдзеш ты суд справядлівы, / Клі ў руках Феміды – цяжкі / Катоўскі меч з вагой фальшывай, / А зрок – заслонены павязкай*» [2, с. 215]).

Упоминает поэт и таких античных богов и героев, как Зевс: он трансформируется в государственного деятеля, начальника, от воли которого зависит судьба поэта («*Оду Зеўсу аднойчы я склаў. / Той, расшчодрыўшыся, загадаў / Лаўрэатам мяне абвясціць*» [2, с. 36]); Прометей, чей монолог превращается в обвинительную речь человеку, не сумевшим правильно воспользоваться даром, который стал причиной вечных страданий героя («*Чаму маўчыш? / Скажы, няўжо дарма я / Тысячагоддзі ў пугах паміраю. / І мой агонь, / Вам дадзены, гаротным, / Для свету стаў пагрозай смяротнай?*» [2, с. 76]); Сизиф, кому поэт явно симпатизирует, противопоставляя богам, которые его наказали, но о которых забыли, в отличие от работника-Сизифа («*А пакараны імі вечнай працай / Нейкі там Сізіф / Усіх перажыве іх*» [2, с. 147]) и др.

Таким образом, в лирике Максима Танка нашла отражение европейская литературная традиция, восходящая к античности: в стихах из сбор-

ников «Збор калосся», «Мой каўчэг», «Errata» и других, созданных в период с 1983 по 1995 г., содержится более 40 образов и символов античной мифологии и культуры. Они стали органичным явлением в контексте танковской поэзии, адаптировались к белорусской культуре и, наконец, даже приобрели национальные черты, что дало право поэту, хотя и с долей иронии, говорить о своем лирическом герое, ставя его в один ряд с мифологическими и историческими персонажами: «*Некалі нейкі гісторык, / Філософ, / Разважаючы аб чалавечых / недахопах, / Успомніўшы пра слабасць / Пяты Ахілеся, / пра няўтольную прагнасць / Мідаса да золата, / пра цягу Калумба / Да вар'яцкіх вандровак, / пра захапленне Каперніка / Зьянем зор, – / Напэўна не абміне сказаць / І пра мой недахоп – / Пісанне вершаў*» [2, с. 150].

Библиографический список

1. Танк М. Поўны збор твораў : у 13т. – Мінск : Беларус. навука, 2006–2012. – Т. 6 : Вершы (1983–1995). – 2007. – 454 с.

РЭЦЭПЦЫЯ ПУШКІНСКАГА ТЭКСТУ Ў ТВОРЧАСЦІ ВАСІЛЯ ЗУЁНКА

Н. В. Заяц

*Кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
УА «Беларускі дзяржаўны педагогічны
ўніверсітэт імя Максіма Танка»,
г. Мінск, Беларусь*

Summary. The article deals with the most popular ways of Pushkin's text reception by Belarusian author V. Zuyonak. It reveals the role of Pushkin's artistic heritage in V. Zuyonak's works. Our attention is also attracted by the mechanisms of reception.

Keywords: V. Zuyonak; A. Pusakin; poetry; reception; literature.

Узнікненне шэрагу мастацкіх тэкстаў сучаснага беларускага пісьменніка Васіля Зуёнка звязана з А. С. Пушкіным. Асоба рускага класіка ў яго мастацкім набытку выступае сімвалам генія, найвышэйшай меры таленту, бясспрэчным літаратурным аўтарытэтам. Рэцэпцыя пушкінскага тэксту ажыццяўляецца пераважна праз увядзенне «чужога слова»: цытатаванне, выкарыстанне гістарычных і літаратурных алюзій, рэмінісцэнцый, эпіграфаў.

У пушкініяну В. Зуёнка ўваходзяць арыгінальныя творы розных жанраў і праблемна-тэматычных груп, а таксама пераклады. Так, вобраз А. С. Пушкіна паўстае ў вершах на тэму мастака і мастацтва («Рандэву па мемуарыяльным Віцебску ў дзень адкрыцця помніка Уладзіміру Караткевічу», «А мне ўжо восьмы дзясятак...»), творах жартоўна-іранічнага